АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ПРОФ. Г. С. ВАСЕЦКИЙ

Профессор В. И. СВЕТЛОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

Товарищ Сталин в своей книге «О диалектическом и историческом материализме» говорит, что передовые идеи служат интересам передовых сил общества, что они облегчают развитие общества, облегчают продвижение общества вперед.

Именно такими идеями являются марксистские идеи, в том числе и философские, правильно вскрывающие закономерности природы и общества, правильно отражающие потребности развития материальной жизни общества и играющие поэтому огромную действенную роль в жизни людей.

Прошло сто лет со времени создания Марксом и Энгельсом их диалектико-материалистических взглядов. За это время произошло множество крупнейших общественных событий. Особенно богата была такими событиями эпоха империализма, когда противоречия капитализма крайне обострились, когда социалистическое переустройство жизни стало первоочередной задачей. Это именно такая эпоха, в которой, по образному выражению Ленина, было немало дней, каждый из которых концентрировал в себе целых 20 лет. Именно в эту эпоху колоссально обострились противоречия между капиталистическими государствами. В то время устои общественной жизни неоднократно потрясались войнами и революциями, превосходящими по своему характеру, ожесточению и участию в них многих миллионов людей все войны и революции прошлого.

В эту эпоху победил социалистический строй на шестой части земного шара. В эпоху империализма появился немецкий фашизм, как порождение самого разбойничьего германского империализма, сделавший попытку закабалить и даже уничтожить свободолюбивые народы мира и прежде всего народы Советского Союза. В эту эпоху Советский Союз выступил спасителем всего мира от гитлеровской чумы.

В данных условиях весьма значительную роль играли и играют теоретические идеи, выдвинутые Марксом и Энгельсом еще 100 лет назад, в том числе и их философские идеи.

В тезисах о Фейербахе Маркс выдвинул знаменитую формулу о том, что предшествующие философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его.

Эта замечательная философская идея Маркса буквально взорвала все старые представления о роли философии в общественной жизни. До Маркса и Энгельса различные идеалистические философские школы и направления не отрицали активной роли философии, но ограничивали эту роль только областью теоретической деятельности. Что же касается материалистов, то они (за исключением русских материалистов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова) также не понимали, что философия может играть серьезную практическую роль. Они подходили к природе и обществу созерцательно, стремясь лишь дать ту или иную картину мира, причем картину застывшую. Они отказывали философии в активном вмешательстве в дела мира, в человеческую практику. Маркс и Энгельс опрокинули старое представление о философии. Они впервые показали, что философские идеи, если они правильно отражают мир, обладают обратной действенной силой. Маркс и Энгельс доказали, что философской теории вовсе необязательно «ковылять» за событиями, но что она может стать орудием изменения этих событий.

Как известно, все прошлые социально-экономические формации складывались стихийно, наша же социалистическая формация была подготовлена Марксом и Энгельсом задолго до ее практического осуществления, была создана путем активной и целеустремленной борьбы за нее. Руководствуясь данными марксистской философской науки, предвидящей дальнейший ход общественного развития, рабочий класс нашей страны, под руководством партии Ленина — Сталина, сознательно, организованно реализовал марксистские социалистические идеи в практической жизни нашей страны, идеи, которые, как говорит товарищ Сталин, логически вытекают из диалектико-материалистического взгляда на жизнь людей. В настоящее время партия, советское государство, выдвигая те или иные задачи перед народом, руководствуются данными марксистской науки, руководствуются требованиями Маркса не только объяснять мир, но и изменять его.

На основе вскрытых Марксом и Энгельсом законов общественной жизни наша партия имеет возможность видеть через все зигзаги и изломы истории основную направляющую линию общественного развития, имеет возможность воздействовать на ход общественного развития, на историческое движение, содействуя появлению тех событий, которые идут на пользу советскому народу, и противодействуя всему, что противоречит прогрессивным устремлениям нашего народа.

В истории философии мы можем встретить немало лиц, пытавшихся проникнуть в будущее. Многие из них имели прекрасные планы этого будущего, некоторые из них стихийно угадывали, но почти никто не мог научно, правильно предсказать его. Они не обладали таким могучим оружием научного предвидения, каким является диалектический и исторический материализм. Им не были известны законы общественного развития. Только Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин смогли это сделать

потому, что они опирались в своих прогнозах на марксистскую диалектику, на законы общественного развития.

Научное предвидение является могучим средством, чтобы человек мог сознательно, активно воздействовать на ход событий, а не быть слепым орудием, слепой игрушкой в руках истории. Источником и основой этого предвидения является в первую очередь созданная Марксом и Энгельсом материалистическая диалектика.

Великий продолжатель марксистской теории — товарищ Сталин, руководясь марксистским диалектическим методом, задолго до Отечественной войны точно предусмотрел, что новая война по своей технике будет совершенно не похожа на предыдущие войны, что это будет война резервов, война моторов, танков, авиации, более усовершенствованной артиллерии. Это послужило одним из оснований к тому, чтобы задолго до войны осуществить мощную индустриализацию нашей страны, построить множество гигантов металлургической и машиностроительной промышленности, развить технику, создать новые средства вооружения.

Проведенная в мирных условиях индустриализация нашей страны помогла советскому народу в годы войны широко развернуть производство вооружения и противопоставить военной технике Германии с ее сателлитами и захваченной немцами технике оккупированных стран Европы свою еще более мощную военную технику.

Все величие марксистского предвидения обнаруживается в самом ходе Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. В своей книге «О войне» Клаузевиц писал, что война — это «область случайности и неизвестности», что никто не в состоянии предусмотреть будущего хода военных событий. Это утверждение Клаузевица совершенно вздорно. Оно было блестяще опровергнуто в ходе победоносной Отечественной войны. Товарищ Сталин, руководствуясь марксистской наукой, марксистской философией, доказал, что, несмотря на всю сложность и противоречивость обстановки, в которой война протекает, можно предвидеть дальнейший ход военных событий. Можно предвидеть развертывание их задолго до того, как они наступят, и, руководствуясь этим предвидением, активно содействовать наступлению нового желаемого хода событий. При этом товарищ Сталин не только теоретически обосновал возможность научного предвидения, но и практически доказал всю справедливость своих военных прогнозов.

В то время, когда многие иностранные политики и военные теоретики предсказывали быстрое и неминуемое поражение Красной Армии под ударами гитлеровских полчищ, в то время, когда гитлеровцы блокировали Ленинград и подошли к Москве, когда перевес сил был на стороне Германии, товарищ Сталин твердо заявил, что непобедимых армий нет, что немецко-фашистская армия будет так же разгромлена, как и армия Наполеона, что авантюристическая стратегия и тактика немецких войск неизбежно приведут к разгрому врага. Как известно, этот замечательный прогноз товарища Сталина блестяще оправдался. Гитлеровская

Германия под ударами Красной Армии оказалась разгромленной. Но какая титаническая сила ума, какая великая мудрость нужна была для того, чтобы в тяжелых для нашей страны условиях 1941 г. ясно и отчетливо предвидеть будущий перелом в войне в пользу нашего народа! Нетрудно заметить явление тогда, когда оно уже появилось, когда оно бросается в глаза, но неизмеримо труднее предсказать наступление этого явления в будущем.

Почему так блестяще оправдалось предвидение товарища Сталина о повороте войны в пользу Советского Союза? Потому, что товарищ Сталин в своем предвидении учитывал все исторические условия, давшие ему возможность с поразительной точностью предсказать разгром фашистской Германии.

Такова великая действенная сила марксистско-ленинских научных идей.

Теория Маркса и Энгельса, несмотря на 100 лет своего существования, отнюдь не является только делом прошлого. Обогащенная и развитая Лениным и Сталиным, эта теория сохранила все свое великое действенное значение и в наши дни. Следовательно, изучение взглядов Маркса и Энгельса, в том числе и ознакомление с тем, как эти взгляды создавались, имеет немаловажное и воспитательное значение.

* * *

Философские взгляды Маркса и Энгельса сформировались в 40-х годах XIX века. Это время характерно быстрым развитием «классического» капитализма в Англии, победой и утверждением капиталистических отношений во Франции и крайним отставанием капиталистического развития на родине Маркса и Энгельса — в Германии. В последней дворяне, помещики попрежнему задавали тон всей политической жизни. В стране царил безграничный произвол со стороны прусского короля и мелких князьков, господствовавших в многочисленных карликовых немецких государствах. Беспощадно подавлялась не только всякая смелая революционная мысль, но даже малейший проблеск оппозиционности. Прусское монархическое государство вело крайне агрессивную, захватническую политику по отношению к другим странам, например к Польше.

Характерно при этом, что Энгельс обвиняет в попустительстве захватнической политике прусского государства не только дворянство и буржуазию, но и весь немецкий народ. В своей статье «Внешняя политика Германии» Энгельс, перечисляя все совершенные Германией преступные действия по отношению к другим народам, пишет: «Вина за эти гнусности, с помощью Германии учиненные в других странах, падает не только на правительство, но в большой мере и на самый германский народ. Не будь его ослепления, его рабского духа, его пригодности и готовности играть роль ландскнехтов, «благодушных» палачей и послушных орудий господ «божьей милостью», — немецкое имя не

было бы так ненавистно, проклинаемо и презираемо за границей, а порабощенные Германией народы давно пришли бы к нормальному состоянию свободного развития»[1].

Экономически и политически слабая, безвольная и трусливая немецкая буржуазия, подчиняясь крепостникам, боялась революционного преобразования страны, не имела ни силы, ни мужества для того, чтобы добиться экономического и политического господства. Соединившись с народом, говорит Энгельс, немецкая буржуазия могла бы ниспровергнуть старую власть, как это сделала французская буржуазия. «Но средние классы Германии никогда не обладали такой энергией, никогда не претендовали на такое мужество; они знали, что Германия — только навозная куча, но они хорошо чувствовали себя в этой грязи, потому что они сами были навозом и чувствовали себя в тепле, окруженные навозом» [2].

Трусливостью и преклонением перед прусским помещичьим самодержавным государством в значительной мере объясняется и тот факт, что в Германии, в отличие от Англии и Франции, отсутствовала самостоятельная буржуазная партия с определенной политической программой.

Экономическая и политическая отсталость Германии первой половины XIX века нашла свое отражение и в идеологической жизни Германии того времени. Немецкая буржуазная интеллигенция была истинной дочерью своего класса и в своем подавляющем большинстве боялась затрагивать существовавшие в Германии прусские политические порядки, не осмеливались хотя бы в слабой степени критиковать эти порядки.

Отдельные, лучшие представители немецкой буржуазной интеллигенции (Людвиг Берне, Генрих Гейне и др.) отрицательно относились к прусскому полицейскому режиму, но и они вели борьбу с прусским государством не прямо, а косвенно, преклоняясь перед буржуазной Францией, борясь с романтиками, сочувственно относившимися ко всему старому, средневековому, в том числе к католической религии. Собственные общественные идеалы лучших представителей немецкой буржуазной интеллигенции были туманны и расплывчаты. И все же за одну критику романтизма и увлечение Францией прогрессивная литературная группа, носившая название «Молодая Германия», подверглась преследованию со стороны прусского правительства и вынуждена была эмигрировать из Германии.

Естественно, что такие величайшие умы, как Маркс и Энгельс, не могли удовлетвориться затхлой немецкой политической и идеологической средой, которая их окружала, сумели стать выше этой среды, подвергая ее резкой критике, сумели стать вождями рабочего класса и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 238.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 6.

выразителями чаяний всего прогрессивного человечества,— и в этом состоит величайшая заслуга Маркса и Энгельса.

Поэтому было бы ошибкой рассматривать марксизм как чисто немецкое явление, выросшее исключительно на немецкой почве. Окружавшая Маркса и Энгельса в молодости реакционная немецкая социальная среда, реакционная политическая обстановка вызвала с их стороны бурный протест против своеволия и произвола прусского правительства, послужила толчком к формированию их собственных политических и философских взглядов.

Зародившись в Германии, марксизм был итогом всего мирового исторического развития, в том числе экономического, политического и теоретического развития во всех странах Европы.

Что же касается философии, то было бы неправильно думать, что Маркс и Энгельс создали свое диалектико-материалистическое мировоззрение, исходя только из критической переработки того, что дала немецкая философия. Прогрессивные стороны этой философии (космогоническая теория Канта, положительные стороны диалектического метода Гегеля, материализм Фейербаха), конечно, сыграли определенную положительную роль в формировании философских взглядов Маркса и Энгельса, явились одним из источников марксизма, но уже ранние труды Маркса и Энгельса (докторская диссертация Маркса, «Святое семейство», «Немецкая идеология») показывают, что помимо немецкой философии они самым внимательным образом изучали древнегреческую философию, всю предшествующую им западноевропейскую философию, в том числе английскую и французскую материалистическую философию.

Маркс и Энгельс создали свою собственную диалектическо-материалистическую философию на основе личного участия и изучения практики революционного движения, на основе изучения всей философской мысли прошлого, на основе беспощадной критики всего отжившего, всего ограниченного, что имелось в прошлой мировой философской мысли, и критического использования всего ценного, всего рационального, что имелось в предшествующей философии. При этом в каждом вопросе марксистская философия сказала свое, новое, научно обоснованное слово.

Маркс родился 5 мая 1818 г. в г. Трире, в семье адвоката. По окончании гимназии он поступил в университет первоначально в Бонне, а потом в Берлине в качестве студента юридического факультета. В университете, наряду с юридическими науками, он изучает историю и философию.

По окончании университета в 1841 г. он написал и успешно защитил докторскую диссертацию «О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

Маркс, как говорит о нем Ленин, стоит здесь еще на идеалистически-гегелианской точке зрения. Он видит основу истории в развитии человеческого самосознания. Но самый выбор диссертационной темы показывает расхождение Маркса с Гегелем уже и на этой стадии. Если

Гегель пренебрежительно относился к древнегреческим материалистам, если он их третировал, в значительной мере замалчивал их взгляды и в то же время всячески превозносил Платона, то Маркс поступил иначе. Он выбрал темой диссертации не идеалистическую, а материалистическую философию. Он счел нужным посвятить специальный труд анализу самых крупных материалистов древней Греции — Демокрита и Эпикура. Один этот факт говорит о самостоятельности Маркса, о его нежелании слепо подражать Гегелю. Не меньшее значение имеет и тот факт, что Маркс в своей диссертации, находясь еще в основном на идеалистических позициях, в то же время в ряде случаев отходит от идеализма, обнаруживает здесь зачатки своего будущего диалектически-материалистического мировоззрения.

Маркс подчеркивает положительную роль в истории философии Эпикура — философа, которого особенно ненавидит Гегель за его материализм.

Маркс говорит о том, что наука не должна иметь ничего общего с религией, что религиозным является тот человек, для кого мир неразумен и кто сам неразумен.

Маркс, в отличие от гегелевской философии, оторванной от жизни, витающей в заоблачном мире, требует тесной связи философии с жизнью, с политикой. Он требует «обмирщения философии», требует, чтобы философия прониклась практическими потребностями мира. Он требует отказаться от голого теоретизирования, призывает отбросить потусторонний мир, загробную жизнь, как фантастические вещи, и обратиться к осуществлению прогрессивных философских идей в земном мире, заняться изменением земной жизни.

Маркс совершенно определенно выступает сторонником революционно-демократических взглядов, призывает бороться за человеческую свободу, за свободное развитие науки, бороться с рабством и насилием.

Существующее теперь общественное бытие, говорит Маркс, подразумевая под этим прусскую действительность, не является вечным, абсолютным, непреодолимым. Оно может и должно быть преодолено.

В своей диссертации Маркс, не освободившись еще от идеализма, в то же время стоит на голову выше Гегеля, выходит далеко за пределы его философии, ни в какой мере не разделяет его консервативной философской системы, его религиозной направленности.

Маркс с самого начала своей сознательной деятельности был революционным демократом, страстно боровшимся с гнилой немецкой действительностью, с отжившими феодальными порядками.

В конце 1842 г. Маркс переехал в Кельн, куда приглашен был вначале сотрудником, а затем редактором «Рейнской газеты», которая под руководством Маркса резко полевела, стала революционным органом. Во время работы в этой газете у Маркса наметился, говорит Ленин, переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

В целом ряде замечательных статей, помещенных в этой газете, Маркс подходит к признанию классового характера государства, вновь требует тесной связи философии с политикой и обвиняет немецкую философию и немцев в раболепии перед прусским абсолютизмом.

В своих статьях Маркс открыто выступает в защиту неимущего трудового населения и заявляет, что прусское государство частнособственнические, эгоистические интересы помещиков, юнкеров ставит выше интересов трудового народа и поэтому осуществляет такое законодательство, которое выгодно только имущим слоям населения, ничтожному меньшинству людей. В этих статьях Маркса можно нередко встретить резкую критику прусского абсолютизма.

Свободные революционные идеи, излагаемые Марксом в «Рейнской газете», вызвали неистовый вой реакционной печати. «Всеобщая аугсбургская газета» стала обвинять «Рейнскую газету» в проповеди коммунизма.

В целях сохранения газеты как средства воздействия на народ Маркс в ответной статье пишет, что «Рейнская газета» коммунизма не проповедывала, что она якобы относится к нему даже отрицательно. Но здесь же Маркс не удерживается, чтобы не сказать, что коммунистические идеи — это цепи, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, только подчинившись им. На попытку установить коммунизм практически можно, конечно, говорит Маркс, ответить пушками, но задушить коммунистические идеи невозможно. Вопрос о коммунизме приобрел европейское значение, и мы, говорит Маркс, не имеем права рассматривать этот вопрос как неважный на том основании, что он носит грязное белье и не пахнет духами.

Так Маркс в этой статье по существу проповедует коммунизм. Однако он здесь не доходит еще до признания пролетариата главной движущей силой коммунистической революции.

Весной 1843 г. «Рейнская газета» была закрыта прусским правительством за революционную пропаганду. Марксу было невыносимо тяжело работать в затхлой, реакционной обстановке прусского полицейского режима, душившего всякое малейшее проявление свободной мысли. Он рвался в другие страны, где можно было более или менее открыто изложить свои политические и философские взгляды. В своем письме к Руге Маркс пишет: «В Германии я не могу больше браться ни за что. Здесь и сам испоганишься» [1].

Осенью 1843 г. Маркс переехал в Париж, чтобы издавать там вместе с Руге «Немецко-французские ежегодники», в которых, не опасаясь прусских цензурных ограничений, можно было бы излагать свободно свои взгляды. В Париже Маркс оказался в центре кипучей политиче-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 1929 г., Соч., т. I, стр. 530.

ской деятельности, получив возможность принять активное участие в политической борьбе, изучить французское рабочее движение, французский и английский утопический социализм, английскую политическую экономию, историю французской буржуазной революции, французских материалистов XVIII века и их предшественников.

Все это, а также его знакомство с материалистической философией Фейербаха не могло не оказать положительного влияния на характер статей Маркса, помещенных в сборнике «Немецко-французские ежегодники», вышедшем в 1844 г. В них, отмечает Ленин, переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму совершается окончательно.

В числе статей в названном сборнике помещена статья «К критике гегелевской философии права. Введение». В этой блестящей по своему содержанию и стилю работе Маркс впервые определяет историческую миссию рабочего класса, заявляет, что затхлую немецкую действительность может изменить только пролетариат, который до сих пор был «ничто», но «должен стать всем».

Маркс здесь вновь требует соединения философии с политикой. Пролетариат, говорит Маркс, должен найти в философии свое духовное оружие, а философия должна найти в пролетариате свое материальное оружие. Таким образом, Маркс уже в 1844 г. требует соединения теории с рабочим движением, требует перейти от созерцания к революционной практике. В «Введении» впервые высказывается замечательная мысль Маркса о том, что теория становится материальной силой, как только овладевает массами.

Здесь же Маркс приходит к признанию того, что подлинная научная общественная теория не является кабинетным измышлением, а имеет свою материальную основу и реализуется в действительность лишь в той мере, в какой она выражает запросы народа.

Относясь и в этой работе весьма презрительно к ряду сторон немецкой жизни, Маркс заявляет, что немцы лишь размышляли о том, что другие народы делали в политике.

Совершенно определенно Маркс отзывается в этой статье и о религии. Он определяет ее как «опиум народа», как «вздох угнетенной твари», и заявляет, что борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия. Но в то же время, в отличие от Фейербаха и вопреки ему, Маркс подчеркивает, что нельзя ограничиваться критикой одной религии, ибо она является копией земных отношений. Поэтому необходимо критику неба превратить в критику земли, критику религии в критику права, критику теологии в критику политики. Надо, говорит Маркс, перейти от критики религии к беспощадной критике немецкого общественного строя, от «оружия критики» к «критике оружием», ибо материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, т. е. здесь Маркс совершенно недвусмысленно призывает немецкий народ к революции.

Заголовок статьи говорит о том, что Маркс поставил своей задачей дать критику гегелевской философии права. Как же он это делает? Имея в виду гегелевскую философию права, благословляющую реакционные, реставраторские тенденции прусской монархии, Маркс говорит, что немцы разделяли с народами их реставрации, но не разделяли их революции. «С нашими пастырями во главе,— пишет Маркс,— мы всегда находились в обществе свободы только в одном случае — в день *ее погребения*» [1].

Это утверждение Маркса говорит о том, что в Германии всегда наиболее процветали и играли наиболее активную роль реакционные силы, воспитывая в немецком народе рабское подчинение государству, шовинизм и милитаризм.

Маркс пишет, что немецкая школа права узаконивает подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, она объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута. Маркс требует, далее, чтобы были подвергнуты критике не только существующие немецкие порядки, но и их абстрактное продолжение, т. е. благословляющая эти порядки реакционная философская система Гегеля.

Вместе с этим Маркс, в отличие от Фейербаха, не отбрасывает абсолютно гегелевскую диалектику, а критически используя ее положительные стороны, ее теорию развития, создает материалистическую диалектику.

Большой научный интерес представляет написанная в этот период, но не законченная работа Маркса «Критика философии государственного права Гегеля», которая при жизни Маркса не увидела света. В ней Маркс в противовес Гегелю, рассматривавшему государство и право как высшее воплощение абсолютной идеи, выводит их из действительных материальных общественных отношений. Вопреки Гегелю Маркс в этой работе утверждает, что первенствующая роль во взаимоотношении общества и государства принадлежит не государству, как у Гегеля, а обществу, народу, который создает определенное государственное устройство. Суверенитет народа, говорит Маркс, не есть производное от суверенитета князя, как это есть у Гегеля, а, наоборот, суверенитет князя имеет своим источником суверенитет народа.

Маркс беспощадно критикует Гегеля и за то, что он выдает затхлую немецкую жизнь, прусскую реакционную монархию за высшее воплощение абсолютной идеи. Это Маркс рассматривает не только как идеализм, но и как приспособленчество Гегеля к прусскому монархическому государству. В «Критике философии государственного права Гегеля» Маркс также не отбрасывает гегелевский диалектический метод, а говорит о необходимости его материалистической переработки, но и здесь он критикует Гегеля за тенденцию примирить противоположности.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 400.

* * *

Обратимся к первым работам Энгельса, до его встречи с Марксом.

Энгельс родился 28 ноября 1820 г. в г. Бремене, в семье фабриканта. Он учился в Эльберфельдской гимназии, но, не окончив ее, был помещен отцом на службу в бременское торговое предприятие. В Бремене Энгельс и начал по-настоящему заниматься наукой, политическими вопросами и усиленно изучать философию. Он становится открытым сторонником революционного демократизма, с ненавистью относясь к прусской монархии, угрожая ей повторением на почве Германии июльской революции 1830 года.

В своем письме к Греберу от 1 февраля 1840 г. Энгельс пишет: «Я до смерти ненавижу его (прусского короля Фридриха-Вильгельма III.— *В. С.*); и если бы я не презирал этого сукина сына, то я б его еще больше ненавидел. Наполеон был ангелом по сравнению с ним, а король ганноверский — бог, если наш король — человек. Нет эпохи, более богатой королевскими преступлениями, чем время 1816—1830 гг. Почти каждый государь, царствовавший тогда, заслужил смертную казнь. Благочестивый Карл X, коварный Фердинанд VII испанский, Франц австрийский — эта машина, способная только подписывать смертные приговоры и думать о карбонариях; дон-Мигуэль, который — бо́льшая стерва, чем все герои французской революции, вместе взятые, и которого, однако, признали с радостью Пруссия, Россия и Австрия, когда он выкупался в крови лучших португальцев; отцеубийца Александр русский и его достойный братец Николай, о чудовищных злодеяниях которого лишне и говорить,— о, я мог бы тебе рассказать интересные истории на тему о любви государей к их подданным. Я жду чего-либо хорошего только от того государя, вокруг головы которого свистят пощечины его народа и во дворце которого революцией выбиты стекла» [1].

В Бремене с конца 1839 г. Энгельс начинает усиленно изучать философию Гегеля. Восторженно относясь к ряду положений этой философии, он никогда не преклонялся перед прусским абсолютизмом, но, как и Маркс, страстно ненавидел его и желал его ликвидации. Никогда не разделял Энгельс и шовинизма Гегеля. Например, в статье «Эрнст-Мориц Арндт» Энгельс резко выступает против германофильства. Немцы думают, говорил он, что весь мир создан ради них, а сами они достигли якобы высшей ступени развития по сравнению с другими народами. Опровергая это утверждение как вздорное, Энгельс, в частности, крайне возмущается французоненавистничеством немцев.

В 1841 г. Энгельс выезжает в Берлин для отбывания воинской повинности. Здесь он связывается с кругами младогегельянцев (Штраусом и Бруно Бауэром). Младогегельянцы выступали с критикой ортодоксальной христианской религии и этим сыграли некоторую положи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 553.

тельную роль в истории философии. Их оппозиция к христианской ортодоксии взволновала прусское правительство, и оно для защиты христианства пригласило Шеллинга читать лекции в Берлинском университете. Энгельс посещал эти лекции, результатом чего явились работы, направленные против мистической философии Шеллинга («Шеллинг о Гегеле», «Шеллинг и откровение», «Шеллинг — философ во Христе»).

В этих работах, написанных в основном еще с идеалистических позиций, Энгельс, критикуя Шеллинга, раскрывает свое собственное мировоззрение. Он обвинял Шеллинга в том, что тот отошел от развития чистой, мыслительной философии в сторону метафизики, мистицизма, в сторону защиты веры в бога и раболепного служения монархическому государству.

Энгельс рассматривает Шеллинга как изменника свободы, как человека, который хочет, чтобы философия и разум подчинялись религии.

Весьма важно, что уже в работах, направленных против Шеллинга, Энгельс впервые вскрывает противоречия, существующие в гегелевской философии между ее диалектическим методом и консервативно-догматической системой. У Гегеля «принципы всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же — этого никто не отрицает — нередко умеренны, даже консервативны» [1].

Так Энгельс уже в то время обнаруживает основные пороки его философии. Характерно при этом, что Энгельс ценит Гегеля за его диалектические принципы и отвергает его консервативную систему.

Работы Энгельса, направленные против Шеллинга, интересны еще и в том отношении, что в них обнаруживаются элементы материализма. Он, например, призывает ученых отдать все силы изучению природы. Критикуя подход Шеллинга к божеству, как к существу, стоящему вне мира, существующему до него, Энгельс, по сути дела, материализует Гегеля, переносит свои взгляды на него, утверждая, что, по Гегелю, без природы, независимо от нее якобы не может быть ни разума, ни идеи.

В своих работах, направленных против Шеллинга, Энгельс обнаруживает знакомство с материализмом Фейербаха и относится к нему весьма положительно. Правда, Энгельс, еще не проводит четкой грани между Гегелем и Фейербахом, считает, что философия Фейербаха является продолжением философии Гегеля, продолжением в том смысле, что будто бы уже у Гегеля имелись в зачаточной форме те идеи, которые выдвинул Фейербах. Таким образом, и здесь Энгельс как бы материализует Гегеля.

И все же в период жизни в Берлине Энгельс является еще идеалистом, но все более отходящим от гегельянства. Он, например, отрицает надмировую абсолютную идею Гегеля, но считает, что основой всего существующего является человеческое самосознание; оно является, с точки зрения Энгельса, основной движущей силой истории.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 117.

В конце 1842 г. Энгельс переехал в Англию, в Манчестер, где стал служить на текстильной фабрике, пайщиком которой был его отец. В этот период намечается почти одновременно с Марксом переход Энгельса от позиций революционного демократизма к коммунизму и от идеализма к материализму. Громадную роль в этом повороте сыграло участие Энгельса в классовой борьбе английских рабочих, изучение их положения, изучение чартистского рабочего движения. Не удовольствовавшись этим, Энгельс прочитал всю имевшуюся в Англии литературу о положении английских рабочих. Энгельс в это время не столько сидел в фабричной конторе, сколько ходил по грязным рабочим кварталам Манчестера, наблюдая своими глазами тяжелые лишения и бедствия, которые испытывал рабочий класс Англии. В результате Энгельс стал переходить к материалистическому объяснению общественных явлений. Об этом он сам впоследствии пишет следующее:

«Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что экономические факты образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития,— в частности, следовательно, в Англии,— в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы, и вместе с тем для всей политической истории» [1].

В Англии Энгельс начал заниматься вопросами политической экономии и еще до Маркса написал первую серьезную работу по этому вопросу, назвав ее «Очерки критики политической экономии». Работа эта была опубликована в 1844 г. в «Немецко-французских ежегодниках». В ней Энгельс осуждает буржуазных экономистов за поддержку принципа частной собственности и в противовес им утверждает, что частная собственность является главным источником всех противоречий, раздирающих современное общество: противоречий между спросом и предложением, бедностью и богатством и т. д. Энгельс говорит, что противоречия, вызванные частной собственностью, необходимо приводят к социальной революции. Таким образом, он утверждает, что социальная революция зреет, что она — явление закономерное.

Необходимо подчеркнуть, что Маркс именно в результате общения с Энгельсом, уже работавшим в области политической экономии, решил сам также заняться ею. Как известно, экономические труды Маркса произвели целый переворот в этой науке.

Все приведенные выше данные показывают, что Маркс и Энгельс еще до личной встречи друг с другом и до совместной политической и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 213—214.

научной деятельности, хотя и разными путями, но шли к одной цели. И тот и другой, совершенно независимо друг от друга, пришли к научному коммунизму, пришли к тому убеждению, что должно быть образовано революционным путем новое, коммунистическое общество. Главной же движущей силой коммунизма должен стать новый класс — пролетариат. И тот и другой, не удовлетворившись идеалистической философией Гегеля, стали на сторону материализма. Высоко оценивая философию Фейербаха, его заслуги в критике религии и борьбе с идеализмом Гегеля, Маркс и Энгельс еще до встречи друг с другом не разделяли ограниченности этой философии, ее созерцательности, антидиалектичности, отказа от революции, проповеди новой религии.

* * *

Общая политическая и философская направленность Маркса и Энгельса неизбежно толкала их на то, чтобы встретиться друг с другом и начать совместную теоретическую и политическую работу. В конце лета 1844 г. проездом из Англии в Германию Энгельс остановился на несколько дней в Париже, специально для того, чтобы встретиться с проживавшим там Марксом. После этой встречи Маркс и Энгельс до конца своей жизни стали друзьями. Они объединили свои усилия в борьбе за новый, коммунистический строй, за новое мировоззрение.

Первым плодом этих совместных усилий явилось произведение Маркса и Энгельса «Святое семейство» (вышло в свет в 1845 г.). Большинство глав в этой работе написано Марксом, так как Энгельс работал в это время над другим своим трудом — «Положение рабочего класса в Англии».

Ленин придавал работе Маркса и Энгельса «Святое семейство» большое значение. В статье «Фридрих Энгельс» Ленин пишет, что в «Святом семействе» заложены основы революционно-материалистического социализма. Еще в 1895 г. Ленин занялся специальным конспектированием этой книги, выписывая из нее прежде всего те места, в которых Маркс и Энгельс излагают свое новое мировоззрение.

В нашей очень немногочисленной литературе, посвященной «Святому семейству», дело изображалось подчас таким образом, что будто бы эта работа была направлена исключительно против Бруно Бауэра. Такая точка зрения является ошибочной. Философия Бауэра была слишком мелка, слишком ничтожна, чтобы Маркс и Энгельс посвятили свою книгу исключительно критике этой философии. Внимательный анализ предисловия к этой работе, внимательный анализ самой работы с совершенной очевидностью говорит о том, что Маркс и Энгельс, критикуя Б. Бауэра, наносили удары и по другому, более серьезному, более опасному и более сильному врагу — спекулятивной философии Гегеля. В качестве мишени для своих непосредственных ударов они избрали Бруно Бауэра лишь потому, что он и его спо-

движники были в то время выразителями философии Гегеля, ее проводниками, ее пропагандистами. Основным же врагом Маркс и Энгельс считали всю идеалистическую философию и прежде всего философию Гегеля, которую младогегельянцы стремились сохранить, несмотря на то, что она отжила свой век, несмотря на то, что ей на смену пришла новая материалистическая философия. Младогегельянская философия, говорит в «Святом семействе» Энгельс, «...является и остается старой бабой; она — увядшая и вдовствующая *гегелевская* философия, которая подрумянивает и подкрашивает свое высохшее до отвратительнейшей абстракции тело и поглядывает на всю Германию в поисках за женихом» [1].

В противовес реставрируемой младогегельянцами гегелевской идеалистической философии Маркс и Энгельс разрабатывают в «Святом семействе» свою диалектико-материалистическую философию.

По каким же основным линиям подвергают Маркс и Энгельс критике философию Гегеля?

Основной порок гегелевской философии Маркс видит в том, что она свела мир к чистым логическим категориям и этим, по существу, упразднила мир. Для Гегеля и младогегельянцев, говорит Маркс, вещи являются только прилагательными по отношению к логической идее, только ее предикатом. При этом характерно, говорит Маркс, что Гегель, как и всякий другой идеалист, не может ничем доказать справедливость идеалистического взгляда на мир и поэтому он постулирует абсолютную правомощность духа, постулирует внемировое существование духа, в том числе и существование его до появления человека, т. е. он требует, чтобы на веру, без всякого научного доказательства было принято утверждение о том, что всё есть дух, идея и якобы сам человек есть лишь проявление того же вездесущего духа.

В «Святом семействе» Маркс на ряде фактов показывает крен объективного идеализма Гегеля в сторону идеализма субъективного. Поскольку Гегель оперирует только идеями, сознанием, сводит весь объективный мир к этому сознанию, а сознание не существует вне человека, поскольку в лице человеческого сознания абсолютная идея, по Гегелю, пришла к своему собственному самосознанию,— объективный идеализм философии Гегеля явным образом имеет тенденцию превратиться в идеализм субъективный. Следуя «Феноменологии духа» (а в этой работе содержатся все основные положения, вся философская схема Гегеля), мы должны, говорит Маркс, превратить реальные, объективные, вне меня существующие цепи угнетения и порабощения в цепи идеальные, существующие исключительно во мне, в моем сознании, и этим самым ограничить борьбу с этими цепями борьбой с самим собой, борьбой в сознании, рассматривая практическую революционную борьбу с по-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 37.

рабощением как дрянную чувственность, как нечто противное абсолютному духу, как неугодный идеализму материализм.

Как мы видим, здесь Маркс подчеркивает в мировоззрении Гегеля не только чисто философские, субъективно идеалистические пороки, но и вытекающие из этих философских, идеалистических пороков и так же весьма существенные пороки политического характера.

Маркс и Энгельс вскрывают, далее, явно шовинистическое, национально ограниченное существо философии Бруно Бауэра, как и философии самого Гегеля. Критическая критика, пишет Энгельс, «...по уши еще торчит в грязи *немецкого национализма*».[1] Она считает свою философскую систему самой совершенной, непревзойденной, вечной и в этом опять повторяет Гегеля, подобным же образом относящегося к своей философии. Гегель и младогегельянцы, без всякого зазрения совести, говорят о духовном перевесе идей немецкой нации, о якобы недосягаемом духовном превосходстве немцев над другими нациями. Гегель и критические критики хотят, говорит Энгельс, чтобы другие нации ползали у их ног и молили о прояснении их сознания. Между тем, немцам совершенно незачем и нечем хвастать. Бруно Бауэр видит достоинство немецкой идеологии в том, что она якобы умеет хорошо критиковать, но английские и французские социалисты-утописты создали в этом отношении гораздо больше, чем немцы. В то время как немцы ограничились голой спекуляцией, английские и французские мыслители критиковали действительные основные пороки современного буржуазного общества, пропагандировали социалистические и коммунистические идеи и призывали реализовывать эти идеи в земной жизни. Немецкие же идеологи отвернулись от земной жизни, вращаются в сфере одного сознания и неспособны поэтому создать ничего практического, полезного для людей, для человечества.

Подвергая обстоятельной критике идеализм Гегеля и сумасшедшие идеалистические бредни младогегельянцев, имевшие вместе с тем явно шовинистический привкус, Маркс и Энгельс в процессе этой критики вырабатывают свое отношение к миру, свой материалистический взгляд на вещи.

Опровергая Гегеля, Маркс доказывает, что бытие и сознание не тождественны, как это пытается представить Гегель, а строго отличны друг от друга. Бытие — материальный мир, природа — не исчезает, если отсутствует сознание. Материальный мир и при этом условии продолжает существовать, следовательно, он первичен.

Так в «Святом семействе» Маркс и Энгельс материалистически разрешают основной вопрос философии.

В свое время в нашей печати некоторые авторы утверждали, что, отвергая гегелевскую консервативную систему, Маркс якобы в неприкосновенности перенес в нашу диалектико-материалистическую филосо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 184.

фию метод Гегеля, его логику. Это можно объяснить только недостаточным знакомством с работами Маркса и Энгельса. Уже анализ ранних работ, например «Святого семейства», говорит о заблуждении этих авторов. Маркс как раз упрекает в этом произведении критических критиков за то, что они не сумели критически разделаться со спекулятивной гегелевской диалектикой, ограничившись вместо этого простым пережевыванием отдельных положений этой диалектики.

Основной порок гегелевской диалектики Маркс видит в том, что у Гегеля развитие дано навыворот, наизнанку. С точки зрения гегелевской диалектики получается, что прежде чем родился Авраам, жили мы; у него, пишет Маркс, сын производит на свет мать, дух — природу, христианская религия — язычество, результат — начало.

Критический разбор Марксом в «Святом семействе» диалектики Гегеля дает нам возможность глубже оценить выдвинутое в последнее время положение о том, что гегелевская диалектика обращена исключительно в прошлое. Это положение нужно понимать не только в том смысле, что Гегель признавал развитие лишь в прошлом, но и в том смысле, что само прошлое развитие рассматривалось им извращенно, поскольку это прошлое являлось как бы движением ретроспективным, движением вспять, производным от настоящего, от гегелевской логики.

Порок диалектики Гегеля Маркс, далее, видит в том, что он является диалектиком только на словах, диалектиком только в чистой философии, с презрением отвергающим всякое действительное изменение действительных общественных отношений как нечто такое, что противно духу абсолютных идеалистов, способных жить только эфиром чистого мышления, растворивших всю человеческую деятельность в спекулятивной диалектике.

Рабочий же класс, говорит Маркс, является диалектиком на деле, на практике. Он очень болезненно ощущает различие между бытием и мышлением, между сознанием и жизнью. Он, в отличие от немецких идеалистов, прекрасно понимает, что собственность, капитал, наемный труд, деньги, нищета, голод представляют собой не призраки воображения, как в этом стараются его уверить критические критики, отвлекая таким путем от революции, а весьма реальные вещи, которые могут быть упразднены только весьма конкретным, весьма практическим, весьма прозаическим образом.

Порочность гегелевского метода состоит и в том, что Гегель нередко использует диалектику в реакционных целях, извращая тем самым ее сущность. В качестве примера можно привести утверждение Гегеля в «Феноменологии духа» о том, что «старое, сопротивляющееся новому, на самом деле не есть больше старое»[1]. В этом утверждении Гегеля содержится попытка представить старое как новое и этим сохранить старое.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 129.

Маркс показывает, как произвольно строит Гегель свой метод, свою логику, свои понятия. Гегель не мог не видеть, что его окружают действительные, реально существующие предметы, например яблоки, груши, миндаль и т. д. Он говорил, что для яблока несущественно, что оно яблоко, для данной груши несущественно, что она груша. Существенно для них, что они «плод», существенно для них не их действительное, чувственно воспринимаемое, реальное, конкретное бытие, а абстрагированное от них понятие «плод», ибо это понятие и есть, по Гегелю, действительная сущность вещей. По Гегелю, для исследователя, имеющего дело с яблоками и грушами, важны не они, а понятие «плод», формами существования которого, частными воплощениями которого являются яблоки, груши, земляника и т. д. Точно так же и для минералога, по Гегелю, важны не конкретные, чувственно воспринимаемые минералы, а минералы вообще, понятие «минерал».

Высмеивая этот идеалистический метод Гегеля, извращающий действительность, Маркс пишет, что если бы ученый-минералог стал следовать методу Гегеля, то он бы ничего дельного, ничего реального не открыл, никакого вклада в науку не сделал бы, а при встрече со всяким новым минералом бесцельно повторял бы — это минерал, вместо того, чтобы обнаружить все особенности данного минерала, всю его специфику, что дало бы ему возможность обогатить и общее понятие о минерале.

Таким образом, Маркс обращает внимание читателя «Святого семейства» на то, что метод Гегеля вреден для подлинного ученого, мешает дальнейшему развитию науки, так как имеет дело с абстрактными, раз навсегда установившимся понятиями, вместо того чтобы обогащать и развивать их в процессе все более глубокого изучения конкретных вещей и уже из этого изучения делать общие выводы, устанавливать общие закономерности, присущие этим вещам.

Маркс по существу вскрывает порочность метода Гегеля. Требуя рассматривать все в движении, в развитии, в изменении, Гегель сам же препятствует этому, является по существу противником развития науки, ибо отказывается от глубокого рассмотрения конкретных вещей, конкретного их изменения, их развития, предлагает ограничиваться общими понятиями, подчиняя им, выводя из них первичные вещи вместо того, чтобы выводить понятия из первичных, чувственно воспринимаемых вещей, вместо того, чтобы обогащать понятия данными изучения конкретных, изменяющихся и развивающихся вещей и таким образом двигать науку вперед.

На этом основании Маркс говорит о непригодности метода Гегеля для научного исследования. Ученый, говорит Маркс, который стал бы заниматься минералогической наукой по методу Гегеля, «...был бы минералогом лишь в *собственном воображении*».[1]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 79.

Так, Гегель, в силу своего идеализма, подорвал все научное значение своего метода, сделал его совершенно непригодным и практически вредным для исследователя, не могущим привести ни к каким положительным результатам.

Из самого критического анализа метода Гегеля можно усмотреть, какого метода познания придерживаются Маркс и Энгельс, точнее, какой метод познания они вырабатывают в процессе критики Гегеля. Маркс считает подлинно научным такой метод, который требует конкретного анализа исторического развития любого явления, идет ли речь о природе, обществе или общественной идеологии. Маркс требует изучать все своеобразие вещей и явлений, все их особенности, все их специфические связи друг с другом и уже от этого переходить к понятиям о вещах или о данной группе вещей, ибо действительной сущностью являются не понятия, а вещи, предметы, воспринимаемые нами посредством органа чувств.

Для того чтобы иметь правильное понятие о мире, учит Маркс, нужно начинать не с понятия, а с изучения конкретной действительности, с изучения реальных вещей и затем уже итти к выделению их общих признаков и группировке их в понятия. Последние, по Марксу и Энгельсу, только тогда представляют научный интерес и ценность, когда они имеют своей основой материальные вещи, когда они, подобно вещам, постоянно развиваются, изменяются, отражая постоянное изменение материального мира. Только в этом случае понятие будет не фантастическим, не гегельянским, а истинным, реальным, конкретным. Иначе, говорит Энгельс, с исследователем произойдет то, что произошло с младогегельянцем Фаухером, который на страницах «Всеобщей литературной газеты» взялся писать о рабочем движении Англии, исходя из общих понятий о рабочем движении вообще, и, не удосужившись изучить английское рабочее движение, вскрыть все его основные особенности, т. е. взялся писать о том, чего не знает, о чем судит на основании созданных им же самим фантастических понятий. Ничего, кроме конфуза для Фаухера, из такого исследования не получилось.

Значит ли все сказанное, что Маркс и Энгельс в «Святом семействе» не видели ничего ценного, ничего положительного в диалектическом методе Гегеля, в его логике? Нет, не значит. Маркс говорит в «Святом семействе» и о гениальности Гегеля, о том, что нужно современный материализм пополнить тем, что добыто спекуляцией, т. е. пополнить его взятой у Гегеля и критически переработанной диалектикой.

Не нужно забывать, говорит Маркс, что метод Гегеля представляет известный интерес в том смысле, что Гегель «очень часто в *спекулятивной* характеристике вещи дает нам ее *действительную* характеристику,— характеристику, схватывающую самую суть *дела*».[1] Это правильное утверждение Маркса получило затем еще более развитое, еще более отчетливое определение у Ленина, который заявил, что Гегель в диалек-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 82.

тике понятий угадал диалектику вещей, но только угадал, подчеркивает Ленин,— не больше.

IV.

Как мы видим, Маркс не просто с порога отвергает гегелевскую философию, но и обнаруживает в ней рациональное зерно. Плеханов в своей лекции «Философская эволюция Маркса» утверждал, что будто бы Маркс в «Святом семействе» отрицательно относился к диалектике. Это неверно. Маркс и Энгельс в «Святом семействе» на каждом шагу ставят вопрос о диалектике, исходят из нее, руководствуются ею в разработке любого вопроса.

Маркс, например, не только выдвигает в «Святом семействе» такое принципиально важное положение, что противоречие является движущей силой развития общества, но и доказывает это положение конкретно, говоря, что в буржуазном обществе основной движущей силой развития является противоречие между пролетариатом и богатством. Анализируя это противоречие, Маркс говорит, что недостаточно объявить их частями, двумя сторонами целого — капиталистического общества, каждая из этих сторон занимает определенное место в целом, играет свою, исторически особую роль в целом. Одна из этих противоположностей — богатство, частная собственность — является *положительной* стороной противоречия в том смысле, что она стремится сохранить свое существование и существование своей противоположности — пролетариата, стремится, следовательно, сохранить существующее противоречие и играет поэтому консервативную роль, стремится оставить все по-старому. Другая противоположность — пролетариат — ставит своей задачей упразднить частную собственность, упразднить капитализм, а вместе с ним упразднить пролетариат как класс. И в этом смысле пролетариат является *отрицательной*, разрушительной стороной противоречия, направленной на уничтожение этого противоречия.

Приведенный пример говорит, что Маркс в «Святом семействе» не только не отвергает диалектику, а блестяще ее разрабатывает, открывает в ней такие стороны, которые отсутствовали в диалектике Гегеля.

Он в «Святом семействе» выдвигает одно из важнейших диалектических требований — подходить к каждому противоречию конкретно, своеобразно, уметь глубоко отличать противоречия в одном явлении от противоречий в другом.

Маркс высказывает, далее, ту замечательную и важную для понимания материалистической диалектики мысль, что противоречие не всегда бросается в глаза, что может иметь место такое положение, когда противоположности внешне, по видимости, кажутся находящимися в дружественном, гармоничном отношении друг к другу. Когда же эти противоположности и взаимоотношение между ними будут проанализированы достаточно глубоко, то оказывается, что они находятся в самом враждебном, в самом непримиримом отношении. Так, например, первоначально представляется, говорит Маркс, что заработная плата и прибыль на капитал стоят друг к другу в дружественных, мирных, самых

что ни на есть человеческих отношениях, но это только видимость. На самом же деле оказывается, что эти отношения архивраждебны. Точно так же и величина заработной платы может сначала показаться результатом свободного соглашения между рабочим и капиталистом. Впоследствии же оказывается, что это только иллюзия, рабочий вынужден итти на определение величины зарплаты капиталистом. Место свободно договаривающихся сторон занимает принуждение, насилие одной стороны над другой.

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс впервые в развернутой форме вскрывают основные закономерности общественной жизни, устанавливают основные принципы исторического материализма. Было бы ошибочно говорить, что в этой работе они дают исчерпывающее разрешение всех основных положений исторического материализма — это делается ими в последующих произведениях, в частности в «Немецкой идеологии», но уже в «Святом семействе» эта задача в значительной своей части находит положительное решение, причем разработка Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории осуществляется здесь на фоне критики идеалистического взгляда на общество у Гегеля и младогегельянцев.

Противопоставляя свои взгляды точке зрения Гегеля и Бруно Бауэра, Маркс пишет, что невозможно понять человеческую историю вне материального производства на земле, вне изучения практического отношения человека к природе, вне изучения способа производства самой жизни, вне индустрии. Отвечая на вопрос о том, что заставило людей объединиться в общество, Маркс устанавливает, что причиной этого является материальный интерес людей, необходимость совместного добывания средств существования и невозможность делать это в одиночку. Здесь же он выдвигает свое знаменитое положение, что вся история есть не что иное, как образование человека человеческим трудом.

Не останавливаясь на всех вопросах исторического материализма, поднятых в «Святом семействе», остановимся только на одном, занимающем в этой работе наиболее развернутое место — о роли личности и народа в истории.

Бруно Бауэр и его приверженцы отрицали всякую творческую роль массы, народа в истории. Они заявляли, что народ не только не является творцом истории, но преградой, препятствием для исторического развития, косным существом, пассивным элементом истории.

Отрицая всякую активную действенную роль массы в истории, Бруно Бауэр целиком передоверил ее критическим критикам. Дух, сознание критической критики, по Бауэру,— это главная организующая и преобразующая сила, а масса является лишь сырым, инертным материалом. Носителями этого духа могут быть, по Бауэру, лишь немногие выдающиеся личности и прежде всего представители критической критики. Так, младогегельянцы в лице Бауэра объявили себя ни больше, ни меньше, как творцами истории.

Взгляды младогегельянцев на роль народа в общественной жизни в известной мере совпадают со взглядами Гегеля, повторяют его взгляды. Он так же рассматривал массу, народ, как чернь, как сплошное количественное безразличие без всякого качественного оформления, он так же считал, что масса должна быть слепой выполнительницей воли монарха, который хотя и не свободен в своих действиях, но в отличие от бессознательной массы, в отличие от этого «стада», как говорил Гегель, сознательно выполняет предначертания божественной абсолютной идеи. Народ, по Гегелю, подобен материи в ее идеалистическом понимании, т. е. он нечто инертное, косное, низменное, слепое, сопротивляющееся сознательному творцу истории, сознательному носителю духа, избранной личности, монарху.

Маркс и Энгельс в «Святом семействе» подвергают взгляды Гегеля и младогегельянцев по указанному вопросу самой уничтожающей критике и противопоставляют их извращенным и реакционным взглядам свою, научную трактовку этого вопроса. Они подчеркивают, что подлинным творцом истории являются не критические критики, а народ, масса, создатели материальных ценностей. Народ, говорят Маркс и Энгельс, должен объявить беспощадную войну гегельянскому идеализму и его защитникам — младогегельянцам, ибо они своим фантастическим, иллюзорным взглядом на мир, своей проповедью инертности массы отвлекают трудящихся от борьбы за создание счастливой земной жизни.

Врагом прогресса, говорят Маркс и Энгельс, являются не массы, не народ, а господствующие эксплоататорские классы и пережившие себя старые общественные отношения, при которых массы поставлены в унизительное положение, обречены на голод, нищету. Они подчас считают даже естественным свое приниженное положение, иногда даже раболепствуют перед сильными мира сего, перед дворянством и буржуазией. Но масса должна перестать так поступать, она должна восстать против этого своего недостатка. Младогегельянцы требуют от массы смирения, надо всячески препятствовать этому, надо звать народ к активному революционному выступлению против существующих нечеловеческих буржуазных отношений, унижающих массу.

Младогегельянцы, продолжает Маркс, рассматривают народ как нечто низменное, способное только к грубой, животной жизни, игнорирующее культуру, науку. Это клевета. На самом деле народ любознателен, жаждет знаний, неутомимо стремится к саморазвитию, но он поставлен в такие бесчеловечные условия существования, что не может удовлетворить эту жажду в условиях эксплоататорского буржуазного строя.

Опровергая попытку младогегельянца Бруно Бауэра свести всю историю к одной деятельности выдающихся личностей, Маркс и Энгельс отнюдь не отрицают активной роли личности в истории, но они утверждают, что личность только тогда играет определенную роль в истории, когда она выражает потребности эпохи, потребности своего класса, ко-

гда она исходит из окружающих ее жизненных условий, а не игнорирует эти условия.

Один исторический деятель не сможет ничего сделать, не сможет никак повлиять на ход истории, говорит Маркс, если он своей теорией не будет выражать запросы масс, их нужды, их интересы, если он не сумеет организовать массу, являющуюся подлинной движущей силой истории.

В качестве одного из примеров зависимости выдающихся исторических личностей от потребности эпохи Маркс указывает на Робеспьера, Сен-Жюста и их партию, которые погибли именно потому, что пытались механически перенести античные демократические порядки на почву буржуазной Франции, забывая при этом, что новые условия жизни этой страны, ее новые хозяйственные отношения, новые интересы масс были совершенно непохожи на античные.

Маркс дает также в этом аспекте непревзойденный диалектический анализ причин прихода Наполеона I к власти и причин его падения. Быстрый подъем Наполеона на дрожжах истории Маркс объясняет тем, что он не был «мечтателем-террористом», взял под свое покровительство беспрепятственное развитие буржуазного общества, свободное развитие буржуазных, частнособственнических интересов. Но вместе с тем Наполеон в своей внутренней политике допустил ту ошибку, что он стал рассматривать французское государство, как свою самоцель, а на буржуазию стал смотреть как на своего казначея, не имеющего своей воли.

Наполеон, далее, поставил на место перманентной революции перманентную войну. Этим он до полного пресыщения удовлетворил хищнические потребности французской буржуазии, но он потребовал, чтобы в целях завоеваний буржуазия принесла в жертву Наполеону все свои силы, все свое богатство, все свои наслаждения. Наполеон, говорит Маркс, деспотически подавлял буржуазную торговлю и промышленность, если они приходили в столкновение с его политическими целями. Все это привело к тому, что буржуазия стала от Наполеона все больше и больше отворачиваться. Разгром наполеоновской армии русскими окончательно подорвал его престиж. Дело кончилось тем, что Наполеон был сослан на остров Св. Елены.

Совершенный Марксом гениальный философский анализ деятельности Наполеона учит нас тому, как следует подходить к вопросу о роли личности в истории.

Выдающаяся личность играет роль в истории только лишь в том случае, если она выражает интересы определенного класса, если класс поддерживает эту личность; как только личность оторвалась от класса, противопоставила себя ему, как она сходит с исторической сцены. Следовательно, во взаимоотношении личности и класса, учит Маркс, первенствующая роль принадлежит последнему.

Было бы ошибочно думать, что вредный младогегельянский субъек-

тивно идеалистический взгляд на историю перестал существовать после смерти Бауэра и его сторонников. Свои ядовитые корни их взгляды пустили и в среду русской общественной мысли, оказав влияние на русских народников, выдвинувших теорию героев, являющихся якобы единственными творцами истории, и толпы, обязанной послушно следовать за героями. Так, русские народники, спустя много лет, пережевывали старую младогегельянскую жвачку, вновь выдвигая опровергнутый Марксом принцип об исключительной роли личности в истории. Поэтому та борьба, которую вел Ленин с народниками, была, по существу, направлена и против одного из истоков народнических взглядов — младогегельянства. В свою очередь, борьба Маркса и Энгельса против субъективного идеализма Бруно Бауэра оказала большую помощь Ленину в его борьбе с народниками.

Этот идеалистически-реакционный взгляд на народ, на массу нашел свой отклик в человеконенавистнических высказываниях Гитлера. В книге «Моя борьба» Гитлер также пишет о «косности массы», о том, что народ, большинство населения якобы «всегда является представителем глупости», «представителем трусости», что «массу можно подозревать в чем угодно, только не в избытке ума», что «масса всегда имеет определенные предубеждения как раз против каждого сколько-нибудь выдающегося ума» и т. д.

Выдвинутое Гегелем и младогегельянцами презрительное отношение к народу импонировало гитлеровской клике, внушавшей немцам, что они должны быть слепым, послушным орудием в её руках.

Объявив себя сознательным выразителем воли провидения, воли бога, Гитлер потребовал слепого повиновения себе всех немцев. Будучи воспитаны на отсталых идеях и традициях реакционной немецкой идеологии, ставившей ни во что человеческое достоинство других народов, немецкий народ пошел за Гитлером, приведшим Германию к полному краху.

Исключительный интерес представляет небольшая глава Маркса «Критическое сражение с французским материализмом», являющаяся ярким обзором прошлого развития буржуазной философии и замечательным анализом некоторых закономерностей этого развития. Ленин в своем конспекте произведения Маркса и Энгельса «Святое семейство» рассматривает эту главу как одну из самых ценных в книге.

Эта маленькая глава, изложенная крайне скупым языком, содержит в себе такое множество, такое богатство мыслей по вопросам истории философии, что уже одна она может стать предметом обширного исследования.

В отличие от буржуазных историков философии Маркс в этой главе не перечисляет одну за другой прошлые философские школы и не дает оторванно друг от друга портрет того или иного представителя философии, как это обычно делают буржуазные историки философии, а вскрывает

закономерную преемственную связь между ними, показывает, как данная философская школа являлась закономерным результатом предшествующего развития истории и философии и, в свою очередь, сама послужила отправным моментом для дальнейшего развития философской мысли.

В этой главе Маркс приходит к выводу о зависимости философии от изменения материальных условий жизни общества, что в конечном счете ведет и к изменению философских идей, к появлению нового мировоззрения.

В главе «Критическое сражение с французским материализмом» Маркс дает также краткую схему развития буржуазной материалистической философии. Вначале, в виде ранней буржуазной философской мысли, появилась метафизика XVII века (Декарт, Лейбниц). Эта метафизика была побита французским материализмом XVIII века.

Гегелевская философия начала XIX века реставрировала метафизику XVII века, соединив ее со своей спекулятивной философией. Однако сама она, в свою очередь, была опровергнута материализмом Фейербаха и современным материализмом, т. е. диалектическим материализмом Маркса и Энгельса.

В этой схеме обращает на себя внимание то обстоятельство, что развитие философской мысли совершалось противоречивым путем. Одно философское направление вытеснялось другим, противоположным направлением, одна философская система вела ожесточенную борьбу с другой, противоположной системой. Так, Маркс уже в «Святом семействе» вскрывает две линии в философии, признает, что в философии идет ожесточенная борьба между материализмом и идеализмом.

Маркс учит нас в «Святом семействе» и тому, что при разборе той или иной философской системы следует вскрывать не только ее социально-исторические, но и теоретические истоки, изучение которых поможет правильно понять и данную рассматриваемую систему. Так, например, разбирая взгляды французских материалистов XVIII века, Маркс указывает, что они имеют в прошлой философии два истока: механическую, материалистическую физику Декарта и сенсуализм Локка.

Таким образом, на анализе взглядов французских материалистов Маркс учит нас тому, что новая философская система не сваливается с неба на землю, она подготовляется всем предшествующим ходом развития философии. Но она в то же время не есть простое повторение старых философских систем, а новая ступень в развитии философской науки, подготовленная всем предшествующим ходом ее развития, новым научным опытом, новой человеческой практикой. Это замечательное методологическое положение Маркса имеет громадное значение в деле правильного научного подхода не только к тому или иному представителю философской мысли, но и к тому или иному представителю всякой науки.

Маркс, далее, видит связь не только между отдельными философскими системами, он устанавливает, что философия XVII века (Декарт, Лейбниц и др.) была связана с другими науками, пришла к естествознанию и сама делала открытия в математике и физике. Но как только философия в лице немецкой идеалистической философии перестала быть связана с другими науками, как только она ограничила себя миром идей и божественными предметами, так эта философия стала пустой, бессодержательной, плоской.

Маркс учит нас тому, что философия может плодотворно развиваться только в том случае, если она связана с другими науками, в том числе и с естествознанием, если философия будет учитывать их важнейшие достижения, будет взаимодействовать с ними, иначе эта философия будет вращаться на холостом ходу.

Обращает на себя внимание и стремление Маркса в «Святом семействе» показать своеобразное развитие буржуазной философской мысли в различных странах Европы, показать национальные особенности развития философии. Из работы «Святое семейство» мы видим, что для Германии характерно господство абстрактной идеалистической мысли, оторванной от конкретных земных задач, что имеет одной из причин, по мысли Маркса и Энгельса, крайнюю экономическую и политическую отсталость Германии.

Наряду с этим Маркс вскрывает такую своеобразную черту немецкой буржуазной философии, как шовинизм, как благоговейное отношение к прусскому правительству, все действия которого объявлялись непререкаемыми и абсолютно правильными.

Маркс обращает наше внимание и еще на одну своеобразную черту немецкой философии. Он говорит, что именно в Германии была вырыта наиболее глубокая пропасть между духом и материей, между идеализмом и материализмом, именно в Германии даже в период образования и развития капитализма философская мысль была почти сплошь представлена идеалистами.

Если Англия в период развивающегося капитализма выдвинула таких величайших материалистов, как Бэкон, Гоббс, Толанд, Локк и др., если Франция представлена блестящей плеядой своих материалистов — Ламеттри, Гольбах, Гельвеций, Дидро, Робинэ и т. д., то в Германии даже в ранний период ее буржуазного развития идеалистическая струя занимала господствующее положение и была представлена такими идеалистами, как Лейбниц, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель и др., распространявшими свое влияние далеко за пределы своей страны. Правда, немецкая философия была представлена таким материалистом, как Фейербах, но это, во-первых, единственная фигура среди немецких буржуазных философов и, во-вторых, его философия содержит в себе идеалистические и религиозно-этические наслоения.

Что же касается Маркса и Энгельса, то они являются представителями нового материалистического мировоззрения, и было бы грубой

Специфические черты немецкой философии.

ошибкой пытаться уложить их взгляды в прокрустово ложе Германии, ибо их философия не представляет собой национально ограниченное явление, а есть итог, результат всего предшествующего исторического развития, всей предшествующей мировой культуры.

Совершенно иначе развивалась буржуазная философская мысль в Англии. Бурное развитие капиталистической промышленности в этой стране и в связи с этим не менее быстрое развитие техники, увлечение английской буржуазии практическими земными делами, связанными с промышленностью и торговлей, бóльшая политическая свобода и бóльшая свобода в изложении своих взглядов, чем в Германии,— все это привело к тому, что в Англии начинает процветать материалистическая философия. Это дало основание Марксу в «Святом семействе» назвать материализм сыном Великобритании. Правда, в Англии имел место и идеализм Беркли, но он не господствовал в молодой буржуазной Англии так безраздельно, как идеализм в Германии.

Что же касается развития буржуазной философской мысли во Франции, то по отношению к ней мы можем встретить у Маркса замечание о национальном своеобразии развития философской мысли и в этой стране. Франция несколько позднее вступила на путь капиталистического развития, чем Англия. Поэтому в XVII веке во Франции, в отличие от Англии, занимали доминирующее положение идеалистические философские школы. По мере же все более широкого вступления Франции на путь капиталистического развития, по мере развития в этой стране естествознания, во французской философской мысли также происходит перелом, приводящий к появлению на французской почве блестящих материалистов XVIII века.

Устанавливая далее основное отличие английского буржуазного материализма от французского, Маркс подчеркивает, что это различие соответствует различию между этими нациями. Английский материализм сух, тяжеловесен и педантичен, лишен темперамента, в лице Гоббса он принял бесплотный, крайне абстрактный и враждебный человеку характер. Совершенно иным является французский материализм. Французы наделили материализм остроумием, плотью, кровью, красноречием, придали ему недостававшие темперамент и грацию; они цивилизовали его. В основу морали они положили чувственное влечение, личный интерес, тяготение человека к чувственным удовольствиям.

Одна из основных причин того, что французский материализм имеет преимущество перед материализмом английским, заключается в том обстоятельстве, что французские материалисты развивались в стране, находившейся накануне буржуазной революции, причем революции классической, не идущей ни в какое сравнение с ублюдочной революцией 1848 года в Германии. Во Франции произошла коренная ломка феодального способа производства, феодального государства, в ней не имело места раболепное отношение буржуазии к феодалам, как это было в Германии. Естественно, что это не могло не сказаться на на-

циональном своеобразии французского материализма, явившегося теоретической подготовкой французской буржуазной революции,— материализма атеистического. Французские материалисты бичевали аристократов и поставили вопрос о естественном равенстве людей, заявили, что люди рождаются равными и свободными, а неравными их делает социальная среда. Исходя из этого они поставили задачу изменения общества.

В требовании Маркса учитывать национальные особенности развития философии в той или иной стране содержится ключ к правильному выяснению причин появления той или иной философской системы, своеобразия данной системы и отличия ее от других систем, появившихся на другой национальной почве.

Но Маркс предупреждает нас в «Святом семействе» против другой крайности, против того, чтобы ограничиваться только национальной характеристикой данной философской школы и не видеть ее преемственной сьязи и взаимодействия с другими школами, находящимися в других странах. Он показывает, как сенсуализм английского философа Локка оказал влияние на теорию познания французских материалистов, как мораль француза Гельвеция послужила источником для английского утопического социалиста Оуэна, как этот последний оказал влияние на взгляды француза Кабэ и т. д. Таким образом, Маркс, говоря о национальных особенностях развития философии в той или иной стране, в то же время видит закономерное, прогрессивное развитие мировой философской мысли, складывающееся из развития философии в каждой данной стране.

Маркс учит нас, что философия данной страны обладает своими особенными национальными чертами и в то же время не замыкается в рамки только этой страны, она взаимодействует с философией других стран, влияет на развитие философии в других странах, и в свою очередь философия других стран находит тот или иной резонанс в развитии философии данной страны.

* * *

Вторую совместную работу — «Немецкую идеологию» — Маркс и Энгельс написали в 1845—1846 гг. в Брюсселе, после высылки Маркса правительством Гизо из Парижа по настоянию прусского правительства.

В предисловии к «Людвигу Фейербаху» Энгельс писал, что они написали «Немецкую идеологию» в тех целях, чтобы дать в ней материалистическое объяснение истории в противоположность взглядам немецких философов и таким образом свести счеты с своей прежней философской совестью путем критики немецкой послегегелевской философии.

После подготовки рукопись «Немецкой идеологии» была отправлена Марксом и Энгельсом для печатания в Германию, но не увидела

света, так как этому препятствовала прусская полиция и сами немецкие издатели.

Несмотря на эти внешне неблагоприятные обстоятельства, работа Маркса и Энгельса над «Немецкой идеологией»,— пишет Энгельс в предисловии к «Л. Фейербаху»,— не пропала даром, она помогла им выяснить дело «самим себе», после чего они предоставили «грызущей критике мышей расправляться с нею» [1].

Характерно, что немецкая социал-демократическая партия, в архиве которой лежала эта рукопись, также не сочла возможным опубликовать ее по мотивам «устарелости» и «несвоевременности». Только уже в советских условиях «Немецкая идеология» впервые увидела свет. 1932 г.

Роль этого произведения в разработке марксистской философии исключительно велика. В нем, наряду с критикой Гегеля, младогегельянцев и Фейербаха, содержится большой материал по истории, философии, политической экономии, искусству и т. д. Из всех ранних произведений именно в этой работе Маркс и Энгельс с наибольшей полнотой изложили свое диалектико-материалистическое мировоззрение. Именно здесь они осуществляют достройку материализма доверху, т. е. разрабатывают свой исторический материализм, теорию и практику пролетарского социализма и коммунизма, изгоняя идеализм из его последнего убежища, из общественных наук.

«Немецкая идеология» в основном завершает формирование Марксом и Энгельсом диалектического и исторического материализма. Здесь еще иногда встречается не вполне сложившаяся марксистская философская терминология, но вся их основная философская терминология здесь уже налицо.

Первая часть «Немецкой идеологии» носит название «Фейербах». В ней дано блестящее и исчерпывающее изложение основных принципов исторического материализма.

Вторая часть «Немецкой идеологии» посвящена критике младогегельянцев — Бруно Бауэра, Макса Штирнера и др., иронически названных Марксом и Энгельсом «Лейпцигским собором». Именно такое название и носит эта часть «Немецкой идеологии». В ней Маркс и Энгельс обвиняют Бруно Бауэра и Штирнера в том, что они с идеалистических позиций критикуют материалистическую философию Фейербаха, противопоставляя ей гегелевскую идеалистическую концепцию. Особенно обстоятельному критическому разбору Маркс и Энгельс подвергают работу Штирнера «Единственный и его собственность».

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс защищают также основные положения своей работы «Святое семейство», подвергшейся критике со стороны младогегельянцев.

В ней, наконец, Маркс и Энгельс дают блестящий анализ исторических причин, обусловивших появление реакционных, филистерских, фи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 633.

лософских взглядов в среде немецкой буржуазии конца XVIII и первой четверти XIX века.

Третья часть «Немецкой идеологии» дает уничтожающую критику движения «истинных немецких социалистов» во главе с Карлом Грюном.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, как и в предыдущих своих работах, критикуют не только гегелевских эпигонов — младогегельянцев, но и продолжают критиковать философию самого Гегеля. Они, например, дают здесь общую резкую оценку гегелевской логики, заявив, что она от ничего, через ничто, пришла к ничему. Это, однако, не мешает им высоко ценить такие принципы гегелевской диалектической логики, как теорию развития, признание самого принципа развития, хотя и в ограниченном виде, признание принципа отрицания и т. д.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс впервые подвергают развернутой критике философские взгляды Фейербаха.

В «Святом семействе» нет еще прямой критики взглядов Фейербаха, но Маркс и Энгельс уже не разделяют ограниченности его материализма и его идеализм в общественных взглядах. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс наряду с высокой оценкой всего положительного, содержащегося в философии Фейербаха, наряду с защитой его от нападок младогегельянцев, в то же время критикуют метафизичность, натурализм и созерцательность его философских взглядов, критикуют за идеалистический подход к общественным явлениям.

Они ценят Фейербаха за то, что он провозгласил материализм во взглядах на природу и в этом смысле стоит неизмеримо выше младогегельянцев; но он не понял, говорят Маркс и Энгельс, что естествознание, материалистически объясняющее природу, тесно связано с производственной деятельностью людей. Неправильно отгораживать естествознание от этой деятельности. Оно получает здесь цель и материал для своего развития.

Они критикуют Фейербаха и за то, что он игнорирует основу познания — революционную человеческую практику, изменяющую природу и весь мир, за то, что у него нет активного воздействия общественного субъекта на объект, за то, что если Фейербах и говорит о практике, то только как о чувственном созерцании. На самом же деле, подчеркивают Маркс и Энгельс, практической деятельности подчинена вся жизнь людей, и если бы практическая производственная деятельность прекратилась лишь на один год, то Фейербах «не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности созерцания и даже своего собственного существования».

Свою работу «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс начинают с резкой, уничтожающей критики младогегельянцев. За последние годы, насмешливо замечают Маркс и Энгельс, Германия проделала «беспримерную революцию», по сравнению с которой французская революция

была лишь «детской игрой»[1]. Одни принципы вытеснялись другими, одни герои мысли низвергали других.

Говоря так, Маркс и Энгельс имеют в виду ту борьбу, которая разгорелась в младогегельянском лагере после смерти Гегеля, борьбу, показавшую всю мелочность, всю ограниченность младогегельянского движения. Каждый из младогегельянцев заявлял, что он превзошел Гегеля, а между тем ни один из них даже и не попытался взяться за всестороннюю критику гегелевской философии, а ограничился лишь тем, что, выхватывая какую-либо одну сторону гегелевской системы, он направлял ее не против всей системы, а только против тех сторон этой системы, которые были выхвачены другими («субстанция» у Штрауса, «самосознание» у Бруно Бауэра и т. д.).

Особенно возмущает Маркса и Энгельса то обстоятельство, что младогегельянцы выступают как отъявленные шовинисты, которые и в политических взглядах, и в философии враждебно относятся ко всему ненемецкому.

«Эти высокопарные и хвастливые торговцы мыслями, воображающие, что они выше всяких национальных предрассудков, на деле гораздо более национальны, чем даже пивные филистеры, мечтающие об объединении Германии. Они отрицают всякое историческое значение за тем, что сделано другими народами. Они живут в Германии, Германией и для Германии. Они превращают песнь о Рейне в духовную кантату и завоевывают Эльзас и Лотарингию, обкрадывая не французское государство, а французскую философию, германизируя не французские провинции, а французские мысли. Г-н Венедей — космополит по сравнению со святыми Бруно и Максом, возвещающими в сфере царящей над миром теории мировую гегемонию Германии»[2].

Основной недостаток младогегельянской философии Маркс и Энгельс видят в том, что представители этой философии, подобно Гегелю, занимались чистыми логическими конструкциями вместо анализа действительного мира, что они отказывались от борьбы с действительным, реально существующим миром, а боролись только с «фразами» этого мира, с понятиями, с идеями, в частности с религиозными идеями, не становясь в большинстве случаев, однако, сами на атеистическую точку зрения. Предполагая заранее необходимость господства религии, они сводили все стороны общественной жизни к религиозным отношениям.

В противовес идеалистическому взгляду младогегельянцев на общественную жизнь, Маркс и Энгельс выдвигают свое материалистическое понимание истории. Они подчеркивают, что основное отличие людей от животных состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они производят необходимые им средства существования.

Первым и основным в жизни людей является производственная

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 7, изд. 1938 г.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 31—32.

деятельность людей, направленная на удовлетворение их потребностей. Поэтому всякий историк, желающий научно, правильно осветить историю человечества, обязан изучить эту историю в тесной связи с историей производственной деятельности людей.

В противовес прежнему пониманию истории, которое отгораживало общество от природы, Маркс и Энгельс обращают внимание на то, что общество вышло из природы, что человек есть часть природы, в процессе своей производственной деятельности тесно связан с природой, взаимодействует с ней, изменяет ее в своих интересах. Но вместе с тем Маркс и Энгельс, вопреки натурализации общественной жизни Фейербахом, требуют отличать человека от природы, помнить, что он специфическая часть природы. Человек, в отличие от животных, не потребляет предметы природы в готовом виде, а в процессе производства активно перерабатывает их при помощи созданных им же самим орудий труда.

В процессе производства средств существования, говорят Маркс и Энгельс, люди вступают в общение друг с другом, форма которого обусловлена степенью развития производства, степенью развития производительных сил.

Данное поколение людей рождается при том уровне развития производительных сил и той форме собственности, которые появились до и независимо от воли этого поколения, получившего их в наследство от старого. Поэтому новое поколение не может выпрыгнуть из этих материальных условий, не может не считаться с ними. И если ко времени появления нового поколения еще не создались объективные условия для переворота в производстве и политической жизни, то одни идеи этого переворота, идеи нового общества сами по себе не имеют никакого значения, являются иллюзорными.

Так Маркс и Энгельс наносят сокрушительный удар идеалистическому взгляду на общество, согласно которому характер его экономики, характер его общественного устройства якобы целиком зависят от идей и произвола правителя.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс перечисляют те «формы общения» или «формы собственности», а по существу формы производственных отношений, которые пережило человечество в своем развитии. Такими формами собственности были: племенная собственность, при которой отсутствовала частная собственность, античная собственность, при которой существовало рабство, феодальная собственность, характерная тем, что ее основу составлял труд крепостных, и, наконец, буржуазная собственность, порождающая своего антипода и могильщика — пролетариат.

Маркс и Энгельс дают обстоятельный анализ каждой из названных форм собственности и на этой основе, по существу, дают глубокий обобщающий обзор всей прошлой истории человеческого общества, особенно истории образования и развития капитализма.

Маркс и Энгельс уделяют в «Немецкой идеологии» большое место разработке теории классов и классовой борьбы в общественной жизни. Они утверждают, что разделение людей на классы появилось вместе с возникновением частной собственности. Они устанавливают, что между классами происходит постоянная борьба, являющаяся выражением противоречия производительных сил и форм общения. Борьба между ними, по Марксу и Энгельсу, направлена на то, чтобы обеспечить себе экономическое господство и завоевать политическую власть. Только в процессе этой борьбы образуется класс, противостоящий другому классу.

Из характера материальной производственной деятельности людей Маркс и Энгельс выводят и характер политической жизни страны, форму ее государственного устройства. Они заявляют, что материальная жизнь людей есть реальный базис государства, есть его основание. Вместе с изменением этого базиса изменяется и государство. Право, по их мнению, также имеет своим источником материальную жизнь людей и изменяется вместе с ней, под ее влиянием.

Маркс и Энгельс приходят далее в «Немецкой идеологии» к отчетливо выраженному утверждению, что государство есть орган господства одного класса над другим, а право является таким законодательством, которое направлено на защиту интересов одного класса и подавление другого. Современное им государство они рассматривают как государство буржуазное, направленное на то, чтобы защищать буржуазную собственность и буржуазные интересы. Точно так же и политика государства определяется классовыми интересами и в буржуазном обществе зависит всецело от буржуазной формы присвоения, т. е. от буржуазных имущественных отношений.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывают также на зависимость семейных форм от материальных условий жизни общества, заявляют, что реальным основанием для семьи являются имущественные отношения, что семья изменялась вслед за изменением материальных условий жизни общества.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс открывают также основной закон развития антагонистических общественно-экономических формаций. Они обнаруживают, что источником развития этих формаций является противоречие производительных сил и форм общения (производственных отношений), которое на определенной ступени своего развития приводит к революции. В этой связи они опровергают взгляд Фейербаха, видевшего основную движущую силу истории в смене религиозных форм. В развитии производительных сил наступает такой момент, говорят Маркс и Энгельс, когда формы общения сковывают развитие производительных сил, мешают этому развитию, в результате чего наступает конфликт, неизбежно приводящий к революции.

Подобное положение неизбежно произойдет, говорят Маркс и Энгельс, и в капиталистическом обществе, когда выразителем дальнейше-

го развития производительных сил, скованных буржуазной формой частной собственности, явится пролетариат. Он произведет коммунистическую революцию, которая, в отличие от всех прошлых революций, приведет не к переходу частной собственности в руки другого класса, как это было при прошлых революциях, а к полному уничтожению частной собственности на средства производства, уничтожению класса буржуазии и вместе с этим и уничтожению всяких классов вообще, т. е. к созданию коммунистического общества.

В процессе своей борьбы с буржуазией пролетариат будет не одинок. Он возглавит движение всех других угнетенных капитализмом слоев населения.

Так Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», в отличие от фантастических ненаучных теорий социалистического переустройства общества социалистов-утопистов, выдвигают свою научную теорию социализма и коммунизма, в которой доказывают железную необходимость революционного перехода к этому обществу.

Особенно важно подчеркнуть, что Маркс и Энгельс еще в «Немецкой идеологии» обращали внимание на то, что коммунистическое преобразование общества пролетариат совершит путем захвата в свои руки политической власти. Здесь они, в известной мере, подходят к признанию того, что важнейшим средством установления коммунизма является диктатура пролетариата.

Важной является и характеристика Марксом и Энгельсом облика действительного коммуниста. Критикуя взгляд Фейербаха о том, что коммунистами якобы являются все те, кто признает, что люди нуждаются и всегда нуждались друг в друге, Маркс и Энгельс говорят, что действительным коммунистом является тот, кто поставил своей задачей революционно изменить существующие общественные условия, уничтожить частную собственность и создать новое, коммунистическое общество. Подлинным коммунистом является не тот, кто ограничивается голыми рассуждениями, а тот, кто принимает практическое участие в революционной борьбе.

Весьма интересным является замечательное предвидение основных черт будущего коммунистического общества. Маркс и Энгельс предсказывают, что в нем исчезнет противоположность между городом и деревней, которая в условиях буржуазных «...одного превращает в ограниченное городское животное, а другого — в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами» [1]. В коммунистическом обществе, по утверждению Маркса и Энгельса, будет устранена и противоположность между умственным и физическим трудом.

В новом, социалистическом и коммунистическом, обществе, созданном пролетариатом, стихийная закономерность, вызванная существо-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 41.

ванием частной собственности, сменится закономерностью осознанной, когда люди получат власть над обменом, над производством, над способом их взаимных отношений, когда они подчинят производственные отношения мощи объединившихся индивидов. Таким образом, при социализме и коммунизме человек станет сознательным творцом истории.

Исключительно научный интерес представляют те места «Немецкой идеологии», где Маркс и Энгельс говорят о взаимоотношении общественного сознания с общественным бытием. Люди, замечают Маркс и Энгельс, сначала находятся в действительном, эмпирическом общении друг с другом и лишь на этой основе начинают осознавать это общение, эти отношения между людьми.

Общественные идеи людей, а также смена одних идей другими в конечном счете определяются, по Марксу и Энгельсу, характером производственной деятельности людей. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выдвигают следующее свое знаменитое положение: «Сознание (das Bewusstsein) никогда не может быть чем-либо иным, как сознанным бытием (das bewusste Sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни... В полную противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе и не из словесных, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них притти к подлинным людям; мы исходим из людей действительно деятельных и выводим из их действительного жизненного процесса также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми сублиматами [продуктами] их материального жизненного процесса, который может быть установлен на опыте и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности.... люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение (производственные отношения.— *В. С.*), изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [1].

Так, Маркс и Энгельс наносят мощный удар старому, идеалистическому взгляду на якобы абсолютную самостоятельность идей, сознания, с исчерпывающей ясностью и убедительностью доказывая их подчиненность материальным условиям жизни людей, способу их существования, подчиненность их политической деятельности людей.

Рассматривая, например, такую идеологическую форму, как язык, Маркс и Энгельс доказывают, что язык возник из настоятельной по-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр 16—17.

требности людей в общении друг с другом в процессе их производственной деятельности и в процессе иных форм взаимоотношений между людьми.

Религия.

Даже в том случае, когда в той или иной идеологии (например в религии) общественные отношения поставлены на голову, представляются людьми извращенно, даже и в этом случае такая извращенная форма идеологии имеет своим основанием материальные условия жизни общества.

Например, на ранней стадии жизни людей, когда человек из-за слабого развития производительных сил был целиком подчинен природе, люди создали естественную религию, поклоняясь предметам еще чуждой и непонятной им природы.

Изменение форм общественного сознания Маркс и Энгельс определяют изменением общественного бытия, т. е. изменением способа производства. Ранней ступени развития производственной деятельности людей соответствовало и раннее, примитивное, «баранье» сознание людей. С усложнением же этой деятельности усложнилось и общественное сознание, разветвившееся на множество отдельных идеологических форм, внешне оторванных от своей материальной, производственной основы.

Маркс и Энгельс выдвигают в «Немецкой идеологии» и ту мысль, что противоречие между общественной идеологией и существующими реальными общественными отношениями опять-таки обусловлено материальными причинами — противоречием между формами общения и производительными силами. Поэтому, говорят Маркс и Энгельс, старые идеологические формы, старые общественные идеи могут быть уничтожены не их духовной критикой, а только путем революции, путем практического ниспровержения реальных общественных отношений, путем революционного изменения общественного бытия.

Прослеживая историю развития сознания в целом, Маркс и Энгельс доказывают, что впервые извращенное представление о независимости сознания от материальных условий жизни, от общественной практики появилось с момента отделения умственного труда от труда физического. С этого момента сознание вообразило, что оно есть нечто иное, чем сознание окружающей природы, окружающей общественной действительности и человеческой практики. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что умственный труд был привилегией господствующего класса и на этом основании господствующий класс стал рассматривать умственный труд выше физического труда, подчиняющим себе последний. По аналогии с этим и понятия, идеи стали рассматриваться как господствующие по отношению к материи, к предметам природы, с которыми связан физический труд. Так создались условия для извращенного, идеалистического взгляда на мир.

Весьма важным является утверждение Маркса и Энгельса о партийном, классовом характере идеологии, утверждение о том, что в каждую

эпоху мысли господствующего эксплоататорского класса являются господствующими мыслями, ибо экономически и политически господствующий класс обладает всеми средствами для того, чтобы его мысли и идеи получили наибольшее распространение и внушались бы всему обществу. Свои мысли господствующий эксплоататорский класс пытается представить как мысли общечеловеческие, свой классовый интерес — как интерес всеобщий. В этом, говорят Маркс и Энгельс, есть и некоторая историческая оправданность.

Вначале, когда данный класс являлся сторонником новых, более прогрессивных форм общественного производства, его идеи были, в известной мере, выражением интересов всего общества, а его интересы связаны, в известной мере, с интересами других, негосподствующих классов. Поэтому победа данного класса на некоторое время идет на пользу и другим, негосподствующим классам. Позднее интересы эксплоататорского класса, пришедшего к власти, все более отгораживаются от интересов других классов, становятся им все более враждебными, пока новый революционный конфликт не приводит к свержению этого господствующего класса.

В заключительной части «Немецкой идеологии» дается уничтожающая критика «истинному немецкому социализму». Маркс и Энгельс обращают здесь внимание на то, что в Германии социализм получил мелкобуржуазную и в то же время напыщенную форму. Они обвиняют «немецких социалистов» в том, что они — социалисты только на словах, так как отказываются от классовой борьбы, от революционного переустройства общества и провозглашают вместо этого, под влиянием Фейербаха, всеобщую любовь между людьми. На этом основании Маркс и Энгельс справедливо утверждают, что немецкие социалисты — Карл Грюн и др.— ничего не имеют общего с французскими и английскими социалистами-утопистами.

Маркс и Энгельс доказывают в «Немецкой идеологии», что «истинные социалисты», говорящие о необходимости сохранения частной собственности, фактически являются буржуазными идеологами, являются врагами подлинного социализма и коммунизма.

Все громадное значение «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса совершенно очевидно. Здесь показана только небольшая часть того богатства философских идей, которые содержатся в этой работе. Требуется специальное, обширное исследование, чтобы дать полное и исчерпывающее представление о названном произведении.

* * *

Маркс и Энгельс прошли сложный путь своего развития от революционных демократов до коммунистов, от увлечения некоторыми сторонами философии Гегеля до ее решительного преодоления и создания диалектического и исторического материализма.

Было бы глубоким заблуждением утверждать, что Маркс и Энгельс будто бы в начале своего философского развития были чистыми гегельянцами, разделявшими все пороки гегелевской философии и философии младогегельянцев, затем стали чистыми фейербахианцами, разделявшими недостатки философии Фейербаха, и якобы лишь после этого Маркс и Энгельс стали диалектиками-материалистами, стали критиковать Гегеля и Фейербаха, обнаружив только в это время их недостатки и пороки. Некоторые же авторы доходили даже до того, что заявляли, будто бы философия марксизма есть простой синтез взглядов Гегеля и Фейербаха, простое соединение гегелевской диалектики и материализма Фейербаха.

Факты говорят о другом. Маркс и Энгельс даже в самый ранний период своей деятельности, находясь еще под влиянием гегелевской философии, не разделяли ее консервативной системы, видели недостатки в диалектическом методе Гегеля и т. д. Положительно оценивая в целом философию Фейербаха, Маркс и Энгельс в то же время никогда не солидаризировались с ним полностью, критикуя ограниченность его материализма и идеализм его общественных взглядов.

Маркс и Энгельс выковывали свое диалектико-материалистическое мировоззрение в борьбе с гегелевской философией, младогегельянцами и с ограниченным материализмом Фейербаха.

Одна из основных особенностей философского развития Маркса и Энгельса состоит в том, что они уделяли преимущественное внимание разработке вопросов исторического материализма. Если материалистический взгляд на природу вырабатывался уже у целого ряда философов, живших до Маркса, то до материалистического понимания истории ни один из этих философов не дошел. Во взглядах на общественную жизнь безраздельно господствовал идеализм. Поэтому Маркс и Энгельс прежде всего поставили своей задачей распространить материализм на познание общественной жизни.

Преимущественное внимание Маркса и Энгельса к вопросам исторического материализма объясняется также и тем обстоятельством, что они поставили своей задачей революционное переустройство общества, разработку теории научного коммунизма, теории классовой борьбы пролетариата с буржуазией, теории социалистической революции, учения о диктатуре пролетариата. Понятно, что для наиболее успешного разрешения этой задачи Маркс и Энгельс должны были выработать философскую материалистическую основу своих общественных взглядов, которая бы с неумолимой научной правильностью и силой подтверждала их революционные взгляды. Поэтому на ранней стадии своего философского развития центральное место Маркс и Энгельс уделяли вопросам материалистического понимания истории.

В противовес немецким философам-идеалистам, отрывавшим философию от жизни, от политической борьбы, Маркс и Энгельс рассматривали свою философию как руководство для практического революцион-

ного действия, требовали реализации своих философских взглядов в жизни, в общественной борьбе. Естественно, что это обстоятельство не могло не побудить Маркса и Энгельса заняться преимущественно философией истории.

Было бы неправильно думать, что развитие Марксом и Энгельсом своих философских взглядов закончилось «Немецкой идеологией». Оно продолжалось до самого конца их жизни. Новые открытия в естествознании, новый опыт рабочего движения, практическое руководство Марксом и Энгельсом борьбой рабочего класса послужили той основой, на которой они постоянно, непрерывно развивали диалектический и исторический материализм, уточняли ранее разработанные ими философские принципы и выдвигали новые.

Маркс и Энгельс создали в дальнейшем такие выдающиеся работы, как «Нищета философии», «Манифест коммунистической партии», «Капитал», «Анти-Дюринг», «К критике политической экономии», «Диалектика природы» и ряд других работ, обогативших марксистскую философию, составивших новый ценнейший вклад в создание нашего мировоззрения.

Великими продолжателями марксистской философии явились Ленин и Сталин, которые, на основе изучения рабочего движения в условиях империализма, на основе новых научных достижений и практического руководства борьбой рабочего класса и социалистическим строительством в нашей стране, продвинули далеко вперед марксистскую философию. Они обогатили каждое ее положение, они разработали ряд новых принципиальных философских положений.

Работы товарища Сталина «Анархизм или социализм?», «О диалектическом и историческом материализме» и многие другие произведения, его замечательная книга «О Великой Отечественной войне Советского Союза» содержат в себе множество таких философских истин, которые играют громадную роль в развитии нашей страны. Глубокое и внимательное изучение названных произведений товарища Сталина, как и всех его других работ, является непременным условием для всех тех, кто поставил своей задачей овладеть мировоззрением марксистско-ленинской партии, диалектическим и историческим материализмом.

* * *

Прошло 100 лет со времени возникновения марксистской теории. За этот срок она показала свою полную жизнеспособность, привлекла на свою сторону многие и многие миллионы людей. Великие идеи Маркса и Энгельса блестяще оправдались в практике общественной жизни. Предсказание Маркса и Энгельса о дальнейших путях развития человечества сбывается с поразительной точностью. На шестой части земного шара уже осуществилась предсказанная ими социалистическая революция, установлена диктатура рабочего класса и построено новое,

социалистическое общество, борьбе за которое Маркс и Энгельс отдали всю свою жизнь.

За истекшие 100 лет марксистская идеология одержала победу над целым рядом открытых антимарксистских и скрытых псевдомарксистских направлений. Все эти течения повергнуты в прах, многие из них совершенно забыты. Марксистская же теория стала достоянием всего передового человечества. Число ее сторонников увеличивается из года в год с поразительной быстротой.

Марксистская идеология показала всю свою жизнеспособность, все свое превосходство и в Великой Отечественной войне с гитлеровской Германией. Советский народ, боровшийся под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина против немецкого фашизма, поставил своей задачей уничтожить не только гитлеровское государство, но и его реакционную, человеконенавистническую идеологию, направленную на порабощение всего человечества в интересах немецкой «расы господ». Поэтому победа советского народа над гитлеровскими захватчиками означает также торжество марксистских идей над фашистскими идеями, победу марксистской теории над идеологией фашизма.

Конечно, после разгрома гитлеровской Германии фашистские «идеи» сами собой, автоматически, не отомрут. Они протянули свои щупальцы в ряд стран. Потребуется напряженная и неустанная борьба для того, чтобы окончательно выкорчевать, уничтожить фашистскую идеологию. В этом громадную роль сыграет дальнейшая пропаганда марксистско-ленинской теории. Эта теория на деле доказала свое превосходство над всеми другими теориями, доказала свою правоту все более широким распространением среди человечества фактом реализации марксистских идей в жизни многомиллионного советского народа, готового отдать все силы, всю жизнь во славу нашей Родины, во имя победы марксистских идей.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Проф. В. И. Светлов. Формирование философских взглядов Маркса и Энгельса 3

Проф. М. П. Баскин. Реакционная немецкая историография — один из источников фашистской идеологии 43

Проф. Г. С. Васецкий. Философские взгляды А. И. Герцена 65

Канд. фил. наук П. В. Таванец. Классификация умозаключений 84

Канд. хим. наук Б. М. Кедров. Понятие «химический элемент» и его логический анализ 118

Л. О. Резников. Проблема образования понятия в свете истории языка . . 179

М. Седектор. Советский народ—творец и новатор 237

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *И. Ш. Мароз*
Обложка художника
М. М. Малкина

*

РИСО АН СССР № 1008. А09909. Тип. заказ 388
Подп. к печ. 28/IX 1946 г. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Печ. л. 17. Уч.-издат. 21,25. Тир. 20000

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАПИСКИ